

Статья сильно теряет от этого досадного противоречия. Быть может, оно обусловливается пренебрежением автора к «хитросплетениям лукавого рассудка»?.. Но тогда уж вообще лучше отказаться от всякой рациональной аргументации.

Еще два слова о «модернизме» в молодом академическом поколении. Если «радиоактивное ницшеанство»⁵ его коснулось с какой-нибудь стороны, то только с той, что вытравило из него «враждебный государству дух», свойственный старому позитивному поколению с его «терпкой моральной солью». Ницшеанство же в собственном смысле тут не при чем.

Государство имеет свою логику, свою «нравственность», принимаемую с нормами индивидуальной морали лишь на известной метафизической высоте. Государство в некотором отношении неизбежно «потусторонно к добру и злу», ибо его «добро» (а оно есть, и вполне реально) — в иной, несколько более углубленной или возвышенной плоскости. Я позволил бы себе по этому поводу припомнить прекрасные статьи гг. Муретова⁶ и Струве (их полемику с кн. Е. Н. Трубецким⁷) о «морали и патриотизме», печатавшиеся в «Русской Мысли» в эпоху войны⁸. Большой вопрос, что более «пресно», личный ли «морализм», или мнимый «аморализм» государственной идеи. Но, разумеется, это тема, которая требует особого обсуждения.

...Итак, во всяком случае, можно глубоко поблагодарить А. В. Карташова за его интересную статью: установив духовную генеалогию нашей государственной позиции, он ее укрепил серьезным «аргументом от истории».

«Редиска»

Теперь, по свидетельству приезжающих, это один из самых распространенных терминов в Советской России. Им обозначается огромная категория, подавляющее большинство советских служащих и даже известная часть официальных членов правящей коммунистической партии. Он прилагается иногда и к государству в его целом. Честь изобретения его принадлежит самому Ленину, и он прочно усвоен советскими гражданами.

Редиска. Извне — красная, внутри — белая. Красная кожица, вывеска, резко бросающаяся в глаза, полезная своеобразной своей

привлекательностью для посторонних взоров, своею способностью «импонировать». Сердцевина, сущность — белая, и все белеющая по мере роста, созревания плода. Белеющая стихийно, органически.

Не то ли же самое — красное знамя на Зимнем Дворце и звуки «Интернационала» на кремлевской башне? ¹ Разве не оправдывает жизнь этот образ, год тому назад казавшийся столь дерзким, столь парадоксальным?..

Старая буржуазия умерла, — рождается новая буржуазия. А подчас и старая перерождается в новую.

Умерла и старая бюрократия, — но тоже фатально рождается новая. И опять-таки нередко старая, пройдя подобно фениксу «стадию пепла», воскресает в новой.

То же самое — армия.

То же — дипломатия.

...Король умер, — да здравствует король!..

Взятая в историческом плане, великая революция, несомненно, вносит в мир новую «идею», одновременно разрушительную и творческую. Эта идея в конце концов побеждает мир. Очередная ступень всеобщей истории принадлежит ей. Долгими десятилетиями будет ее впитывать в себя человечество, облекая ее в плоть и кровь новой культуры, нового быта. Обтесывая, обрабатывая ее.

Но для современности революция всегда рисуется прежде всего смерчем, вихрем:

— Налетит, разожжет и умчится, как тиф...

И организм восстанавливается, сохраняя в себе благой закал промчавшейся болезни. «Он уже не тот», но благотворные плоды яда проявят себя лишь постепенно, способствуя творческому развитию души и тела...

Революция бросает в будущее «программу», но она никогда не в силах ее осуществить сполна в настоящем. Она и характерна именно своим «запросом» ко времени. И дедушка Хронос ее за этот запрос в конечном счете неизбежно поглощает.

Революция гибнет, бросая завет поколениям. А принципы ее с самого момента ее смерти начинают эволюционно воплощаться в истории. Она умирает, лишившись жала, но зато и организм человечества заражается целебной силой ее оживляющего яда.

Склоняясь к смерти и бледнея,
Ты в полноту времен вошла.
Как безнадежная лилея,
Ты, умирая, расцвела...²

Но теперь, теперь... В ужасе мечутся революционные энтузиасты: — Кит Китыч³ опять у себя в Замоскворечьи!..

Словно загадочная сила, от которой когда-то перевелись богатыри на Святой Руси: ее уничтожают, а она множится, растет...

Но, впрочем, не беспокойтесь:

— Это уже не прежний Кит Китыч. Это **новая** аристократия, **новая** буржуазия, **новая** бюрократия. Сакраментальная триада эта в своем конкретном составе или выдвинута, или перерождена революцией, бессильной ее ликвидировать, но достаточно мощной, чтобы ее решительно преобразить.

«Запрос» русской революции к истории («клячу-историю загоним»!⁴) — идея социализма и коммунизма. Ее вызов Сатурну — опыт коммунистического интернационала через пролетарское государство.

Отсюда — ее «вихревой» облик, ее «экстремизм», типичный для всякой **великой** революции. Но отсюда же и неизбежность ее «неудачи» в сфере нынешнего дня. Но как ни мощен революционный порыв, — уничтожить в корне ткани всего общественного строя, всего человечества современности он не в состоянии. Напротив, по необходимости «переплавляются» ткани самой революции. Выступает на сцену благодетельный компромисс.

В этом отношении бесконечно поучительны последние выступления вождя русской революции, великого утописта и одновременно великого оппортуниста Ленина.

Он не строит иллюзий. **Немедленный коммунизм не удался** — это ему ясно, и он не скрывает этого. «Запоздала» всемирная революция, а в одной лишь стране, вне остальных, коммунизм невыносим. «Социальный опыт» только смог углубить уже подорванное войной государственное хозяйство России. Дальнейшее продолжение этого опыта в русском масштабе не принесло бы собой ничего, кроме подтверждения его безнадежности при настоящих условиях, а также неминуемой гибели самих экспериментаторов.

Наладить хозяйство «в государственном плане», превратить страну в единую фабрику с централизованным аппаратом производства и распределения — оказалось невозможным. Экономическое положение убийственно, и все ухудшается; истощены остатки старых запасов. Раньше можно было не без основания ссылаться на генеральские фронты⁵, — теперь их, слава Богу, уже нет. Что же касается кивков на внутренних «шептунов», то сам Ленин принужден был признать сомнительность подобных отговорок⁶. Дело не в шептунах: их «обнавление» — не причина разрухи, а следствие. **Дело в самой системе,**

доктринерской и утопической при данных условиях. Не нужно быть непременно врагом советской власти, чтобы это понять и констатировать. **Только в изживании, преодолении коммунизма — залог хозяйственного возрождения государства.** И вот, повинувшись голосу жизни, советская власть, по-видимому, решается на радикальный тактический поворот в направлении отказа от правоверных коммунистических позиций. Во имя самосохранения, во имя воссоздания «плацдарма мировой революции», она принимает целый ряд мер к раскрепощению задавленных великой химерой производительных сил страны.

В добрый час!

В настоящий момент нам безразличны мотивы «новой тактики» Ленина. Важна сама эта тактика. Ее нельзя не приветствовать.

* * *

Нельзя отрицать, что чрезвычайно содержательным показателем внутренних настроений современной России является стиль последнего кронштадского восстания. Можно (и даже следует) вслед за берлинским кадетским «Рулем»⁷ питать глубокое «недоверие к идейной осмысленности» этого сумбурного и неуклюжего взрыва, явно угрожавшего «анархизацией всей страны» — но подозревать его «подлинность», его «органичность» все же не приходится. Он — кусочек «зеленого шума»⁸, и по его лозунгам можно судить о тех силах, которые ныне там, «во глубине России», явились на смену тютчевской «вековой тишины...»

«Да здравствуют Советы, но долой иго коммунистов!» — вот лейтмотив движения⁹. До мозга костей проникнутый революционной психологией и фразеологией, Кронштадт заявил себя непримиримым лишь к одному: к диктатуре коммунистов, к системе насильственного коммунизма.

«Ревком», «да здравствует революционный пролетариат и крестьянство!», «товарищи, присоединяйтесь к нам!», «на страже революции» и т. д. — Этими терминами пестрят «Известия» кронштадтских повстанцев¹⁰. Не политический строй советов, не «власть рабочих и крестьян», а лишь бездушный режим экспериментального коммунизма поднял их на борьбу, на бунт. И если торжество этого бунта лишь ухудшило бы состояние страны, то причины его останутся действенными и неизбежными до тех пор, пока не будет ликвидирован принудительный коммунизм, препятствующий хозяйственному оздоровлению

современной России. Если его не ликвидируют сверху, он окажется сокрушенным снизу. Ненавистью к нему обуславливается и ненависть к правящей партии. Парализовать эту ненависть она сможет лишь прочно став на путь изменения своей тактики в основной экономической проблеме наших дней. Властью должны быть восстановлены некоторые существеннейшие элементы индивидуалистического хозяйства. По-видимому, мы к тому и идем...

Революция, судя по всему, приходит к своей «критической» стадии. До сего времени она по преимуществу оплодотворяла даль времен за счет конкретного организма своего государства. Теперь ей предстоит укрепить, оживить этот последний, быть может, отчасти за счет своих всемирно-исторических задач. Она уже прославляла Россию в веках. Ныне ей надлежит восстановить русское государство в его конкретной материальной мощи.

Урок Кронштадта словно дает понять, как это сделать. Он одновременно — предостережение и императив.

«Редисочный» облик государственности в настоящий момент нужен, полезен России. Он, с одной стороны, предохраняет ее от анархии и своеобразно поддерживает ее международный престиж, а с другой — обеспечивает неизбежность перехода ее к нормальным для данного периода ее развития формам хозяйствования и властвования. Нынешней России одинаково нужны и красный фасад, и белое нутро. **Вот почему с национальной точки зрения сейчас не только нельзя сочувствовать окраинным генеральским авантюрам, но и желать успеха внутреннему повстанческому движению стиля Кронштадта и Украины. Единственный надежный путь — трансформация центра.**

Революционный «запрос» к закону времени придется рано или поздно снять, так же, как и остановить порывы «загона» бедной «клячи-истории». Всему свое время, в том числе и героическим попыткам разорвать сатурновы кольца.

Но вместе с тем, во избежание недоразумений, необходимо установить и подлинный состав того «белого ядра», которое ныне противопоставляется широкими русскими массами красной оболочке.

Бесконечно ошибается тот, что отождествляет его с дореволюционным содержанием государства российского, или хотя бы с общей физиономией минувших военных противобольшевистских движений. Великое разочарование ждет того, кто мечтает воссоздать страну на старых социальных связях.

Если коммунизм есть «запрос к будущему», то «скоропадщина»¹¹ или «врангелевщина»¹² **во всех ее формах и видах** есть не более, как

отрыжка прошлого. По тому же неумолимому року Сатурна, не место ей в новой России.

Революция выдвинула новые политические элементы и новые «хозяйствующие» пласты. Их не перейдешь. Великий октябрьский сдвиг до дна всколыхнул океан национальной жизни, учинил пересмотр всех ее сил, произвел их учет и отбор. Никакая реакция уже не сможет этот отбор аннулировать. Здоровая, плодотворная реакция вершит революцию духа, но не реставрацию прогнивших и низвергнутых государственных стропил. Дурная же реакция есть всегда не более, как попытка с негодными средствами. Прежний помещный класс отошел в вечность, «рабочие и крестьяне» выдвинулись на государственную авансцену.

«Старая мощь России» может быть восстановлена лишь новыми силами, вышедшими из революции и поныне пребывающими в ней. Это нужно признать раз навсегда. Ориентироваться можно только на эти новые силы, на их активный авангард, разбуженный взрывом и прошедший столь изумительную школу за страдные годы революционной борьбы.

«Революцию надо преодолеть, взяв у нее достижимые цели и сбросив ее утопизм, демагогию, бунтарство и анархию непреклонной силой власти» (Новгородцев¹³).

Растрепанными силами контрреволюции эта задача осуществлена не была. Она осуществится внутренней диалектикой самой революции.

Путь Термидора

В дни кронштадтского восстания некоторые русские публицисты в Париже заговорили о «русском термидоре»¹. «Последние Новости»² П. Н. Милюкова посвятили даже несколько статей установлению аналогии между процессом, ныне вершащимся в России, и термидорским периодом великой французской революции.

В какой мере справедливы эти аналогии и что такое «путь термидора»?

Термидор был поворотным пунктом французской революции. Он обозначил собою начало понижения революционной кривой. **Путь термидора есть путь эволюции умов и сердец, сопровождавшийся, так сказать, легким «дворцовым переворотом», да и то прошедшим формально в рамках революционного права. При этом необходимо**